

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СОЮЗНОЙ РЕСПУБЛИКИ ЮГОСЛАВИЯ ВО ВРЕМЯ БОСНИЙСКОГО КРИЗИСА (1992–1995)

М. С. Довгялло

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, misha_dauhiala@yandex.by*

В статье анализируются боснийский кризис, взаимоотношения России и Югославии во время его разрешения. Боснийский кризис на территории бывшей СФРЮ оказался наиболее тяжелым из всех кризисов, возникавших в бывших социалистических странах, в урегулировании которого приняла самостоятельное участие Россия. Основное внимание уделяется попыткам России добиться мирного урегулирования в Боснии и Герцеговине, позиции Москвы в принятии решений с мировым сообществом и просчетам российской дипломатии в регионе и в ООН.

Ключевые слова: Российская Федерация; боснийский кризис, Югославия; Контактная группа; Дейтонские соглашения; Балканы; США.

RELATIONS BETWEEN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE UNION REPUBLIC OF YUGOSLAVIA DURING THE BOSNIAN CRISIS (1992–1995)

M. S. Dauhiala

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, misha_dauhiala@yandex.by*

The article analyses the Bosnian crisis and the relations between Russia and Yugoslavia during its resolution. The Bosnian crisis on the territory of the former SFRY turned out to be the most severe of all the crises that arose in the former socialist countries, in the settlement of which Russia took an independent part. The main focus is on Russia's attempts to achieve a peaceful settlement in Bosnia and Herzegovina, Moscow's position in decision-making with the international community, and the blunders of Russian diplomacy in the region and in the United Nations.

Keywords: Russian Federation; Bosnian crisis, Yugoslavia; Contact Group; Dayton Accords; Balkans; USA.

О собственной политике Российской Федерации (РФ) в югославском кризисе можно говорить с конца 1991 – начала 1992 г., когда произошел распад СССР, и прекратило свое существование общесоюзное Министерство иностранных дел. Правопреемственность в международных делах не означала продолжение того курса, который намечался в последние годы существования СССР. С началом распада СФРЮ в 1990 г. Советский Союз ограничивался декларативными заявлениями о приверженности курсу невмешательства других государств во внутренние дела Югославии и

сохранении ее территориальной целостности. Все просьбы югославского федерального правительства о помощи были отклонены советским руководством. В октябре 1991 г. после единственной попытки участия СССР в урегулировании югославского конфликта — встречи М. С. Горбачева, С. Милошевича и Ф. Туджмана — произошел поворот в позиции Москвы по югославскому вопросу. Советское правительство согласилось на вмешательство международного сообщества во внутренние дела СФРЮ и далее поддерживало все его решения.

Следуя линии западных держав, Россия признала независимость Словении, Хорватии, Боснии и Герцеговины (БиГ), одной из первых заявила о признании независимости Республики Македония. Российский МИД также выразил готовность признать Союзную Республику Югославия (СРЮ) в составе Сербии и Черногории в апреле 1992 г. СРЮ объявила, что не имеет территориальных претензий ни к одной из бывших республик и будет придерживаться всех обязательств в отношении территории Краины, находящейся под защитой войск ООН [1, с. 259].

Российская дипломатия в основном продолжила линию по отношению к югославскому конфликту, выработанную МИД СССР. До апреля 1992 г., то есть, до начала гражданской войны в БиГ, МИД РФ не заявил ясной позиции в отношении этой республики. По собственной инициативе министр иностранных дел России А. В. Козырев объявил Балканы сферой российских интересов и активно вмешивался в процесс югославского урегулирования. Благодаря позиции России СРЮ не была исключена из СБСЕ [1, с. 211] и ООН. При этом большинство представителей этих организаций высказалось против притязаний новой Югославии на автоматическое продолжение членства бывшей СФРЮ. Некоторые эксперты МИД России предлагали «постепенно свертывать активную политику в бывшей Югославии» из-за отсутствия «настоящих союзников» и «крупных интересов» [2, с. 226].

В мае 1992 г. А. В. Козырев предпринял весьма эффективную поездку на Балканы, по результатам которой конфликтующими сторонами в Боснии был подписан так называемый «русский мир». Он предусматривал прекращение огня; разблокирование сараевского аэропорта и дорог, ведущих к нему; обязательство мусульман не препятствовать выводу оставшихся частей югославской армии [3, с. 73]. В Белграде Козырев дал понять сербскому руководству, что если оно не изменит свою позицию в боснийском конфликте и не перестанет оказывать помощь Республике Сербской, Запад и Россия будут вынуждены предпринять серьезные меры в отношении СРЮ. Государственное образование боснийских сербов было провозглашено

9 января 1992 г. под названием Сербская Республика БиГ. С 12 августа оно стало именоваться Республикой Сербской без дальнейших географических уточнений [4, с. 234].

Достигнутые соглашения были нарушены практически сразу же после отлета российского министра с Балкан. В эскалации боснийского конфликта мировое сообщество обвинило сербскую сторону и ввело 30 мая 1992 г. экономико-политические санкции против СРЮ, несмотря на уверения 28 мая постоянного представителя РФ при ООН и в Совете Безопасности (СБ) ООН Ю. М. Воронцова о том, что Россия не присоединится к санкциям против Югославии, которые готовил Запад [5, с. 39]. Однако Москва присоединилась к ним, что явилось для многих неожиданностью, так как об этом не было информировано ни руководство парламента, ни правительство России. Так произошла ее самая крупная ошибка на Балканах — участие в экономических санкциях против СРЮ. С этого момента МИД России заняло в тон Западу позицию одностороннего обвинения сербов в разжигании конфликта на территории БиГ. Россия отошла от тезиса об ответственности всех участников югославского кризиса за вооруженные столкновения, возложив ее на Сербию и ЮНА.

Голосование России за резолюцию СБ ООН № 757 подвело черту под первой фазой российского участия в урегулировании боснийского кризиса. Возлагая ответственность за неисполнение резолюции № 757 на СРЮ, документ предусматривал запрет на торговлю, финансовый оборот, авиасообщения, научно-техническое, культурное и спортивное сотрудничество с СРЮ [6, с. 27–30]. Это изменило отношение российского общественного мнения к кризису на Балканах, вызвав «волну протестов». Исследователь Е. Ю. Гуськова отмечает перелом в отношении российской общественности к югославской тематике с лета 1992 г. [7, с. 44]. С апреля по декабрь 1992 г. СБ ООН принял 16 резолюций по боснийскому кризису. По всем этим документам с антисербской направленностью Россия голосовала только «за» или соглашалась с ними на стадии консультаций [8, с. 29]. Впервые Россия воздержалась лишь при голосовании за принятие резолюции № 820 от 17 апреля 1993 г.

К началу 1993 г. у международных посредников практически оформилось некоторое разделение труда: европейские страны, особенно Германия, лоббировали интересы хорватов, США — мусульман, Россия — сербов. Роль российской дипломатии в урегулировании боснийского кризиса на данном этапе фактически сводилась к давлению на сербскую сторону с целью склонить ее к подписанию мирного плана по Боснии. С

этой задачей на Балканы постоянно ездил спецпредставитель президента России В. И. Чуркин, поездки которого не внесли никаких принципиальных перемен в ситуацию вокруг боснийского кризиса.

В апреле 1993 г. авиация НАТО начала бомбардировку наземных целей боснийских сербов без согласования с Москвой. С этого момента российская власть начала демонстрировать все возрастающее расхождение с державами Запада в своем отношении к конфликту на Балканах. При этом активизация собственной позиции России проходила с подчеркнутым дистанцированием от всех враждующих сторон. Активизация выразилась, прежде всего, в ее посреднической роли при подписании плана С. Вэнса–Д. Оуэна. Президент Сербской Республики в составе БиГ Р. Караджич представлял сербскую сторону на Женевских переговорах по Боснии. Он долго отказывался подписывать карту мирного плана, ссылаясь на ее дискриминационный характер. Только 2 мая 1993 г. в Афинах он подписал мирный план. Однако через три дня отказался от него.

С начала 1994 г. и США активизировали свою балканскую политику. На саммите стран НАТО в январе 1994 г. было принято решение о всемерной поддержке миротворческой операции ООН на Балканах, включая возможность ракетно-бомбовых ударов. Российский МИД одобрительно отзывался о подобной инициативе США [9, с. 68–69].

Первым прецедентом использования авиации НАТО послужил взрыв на сараевском рынке в феврале 1994 г. в мусульманской части города, виновниками которого были объявлены боснийские сербы. Усилиями России удалось разрешить кризис вокруг Сараево. Второй был связан с «зоной безопасности» вокруг Горажде в марте–апреле [10, с. 41]. Под предлогом остановить наступление боснийских сербов и обеспечить безопасность миротворческому контингенту ООН по просьбе генсека ООН Б. Бутроса-Гали авиация НАТО впервые нанесла удары по сербским позициям. Россия не была предварительно оповещена о военных решениях НАТО. В дальнейшем Североатлантический альянс неоднократно, не считаясь с мнением российской стороны, бомбил сербские позиции. Следует отметить, что Россия к 1994 г. сама лишила себя возможности влиять на развитие событий в качестве постоянного члена СБ ООН, проголосовав ранее за резолюцию с формулировками, которые можно толковать как допущение широкого использования сил НАТО в боснийском кризисе [6, с. 64–66].

В 1994 г. лидирующую роль в урегулировании боснийского кризиса стала играть Контактная группа (КГ) по урегулированию в БиГ, в которую вошли США, Россия, Германия, Великобритания и Франция. Уже на первой встрече участников КГ в Лондоне 26 апреля проявилось лидерство

США, обозначивших собственную балканскую линию. РФ отводилась все та же скромная роль инструмента принуждения сербской стороны к принятию разработанных США и другими западными странами мер.

КГ выработала свой план урегулирования боснийского конфликта, суть которого сводилась к созданию унии между Республикой Сербской и Мусульманско-хорватской федерацией (МХФ). Предлагался раздел территории БиГ между этническими группами по формуле: 49 % территорий сербам, а 51 % — МХФ [11, с. 26]. Это встретило поддержку и США, и России. Однако на этот раз изменилась позиция боснийских сербов, которые отвергли план.

Российский МИД посредством ультиматумов заставил президента Сербии в составе СРЮ С. Милошевича заявить о готовности оказывать давление на боснийских сербов с целью подписания ими плана КГ. В августе Белград прекратил оказывать помощь боснийским сербам. Востребованность российской дипломатии в югославском урегулировании значительно снизилась, однако Россия широковещательно обещала способствовать снятию санкций с Югославии.

В 1995 г. банкротство политики России на Балканах стало очевидным. Главную роль в прекращении войны и принуждении к миру всех сторон конфликта в БиГ сыграли США, так как и Россия, и СРЮ осознали, что их усилий для достижения мира недостаточно. 30 августа на заседании СБ ООН новый постоянный представитель России С. В. Лавров поставил вопрос о необходимости немедленного прекращения военных акций НАТО и сил быстрого реагирования в Боснии и вновь повторил предложение о скорейшем созыве мирной конференции с участием всех конфликтующих сторон и стран-посредников. При обсуждении этого вопроса в СБ Россия оказалась в меньшинстве. Большинство выступило в поддержку действий НАТО в БиГ [9, с. 68–69]. Посол РФ в Лондоне А. Л. Адамишин откровенно писал: «в Дейтоне представители России присутствовали лишь в качестве статистов. А подпись России под дейтонским миром, продиктованным сербам, не отменила ее маргинальную роль» [12, с. 418].

Под нажимом США 21 ноября 1995 г. были парафированы Дейтонские соглашения о прекращении огня и разделении сторон. 14 декабря в Париже состоялась официальная церемония подписания мирных соглашений по Боснии президентом Сербии С. Милошевичем, президентом БиГ А. Изетбеговичем и президентом Хорватии Ф. Туджманом [4, с. 228]. Пакет документов состоял из Общего рамочного соглашения о мире и 12 приложений к нему. Это произошло без учета предложений России, но при ее формальном участии. По этому соглашению БиГ определялась как единая

республика, состоящая из двух единиц — Федерации (мусульман и хорватов) и Республики Сербской [13, с. 86]. От имени России соглашение подписал председатель Правительства В. С. Черномырдин.

В Дейтоне фактически была легализована замена в БиГ миротворческих сил ООН на войска НАТО. Российская дипломатия оценила Дейтон положительно, рассматривая его «как крупный шаг на пути к разрешению самого кровопролитного конфликта в послевоенной Европе» [14, с. 51]. Однако неудачи российской дипломатии в югославском урегулировании видимо стали основной причиной того, что А. В. Козырев был отправлен в отставку. В январе 1996 г. на пост главы МИД был назначен Е. М. Примаков, который сразу попытался внести корректировку в парадигму внешнеполитического курса России. Теперь отношения с западными странами предполагалось строить на принципах равноправного и взаимовыгодного партнерства.

Как отмечает Е. Ю. Гуськова, Югославия ждала от России поддержки, а Россия смотрела на Запад, пытаясь построить новую внешнюю политику, стать равноправным партнером западных стран в новой системе международных отношений, складывающихся в Европе и мире. Сербов принуждали с помощью России принимать решения, которые их не устраивали. Российская дипломатия на Балканах все годы кризиса отличала непоследовательность [15, с. 445, 449].

Парадоксальным образом российская сторона не шла на сотрудничество с президентом Сербии С. Милошевичем, связывая свое участие в урегулировании боснийского кризиса с системой власти в СРЮ. Москва обещала не допустить бомбовых ударов по сербским позициям в БиГ, но ничего для этого не делала. Осуждала за геноцидальные методы расправы с населением самопровозглашенной Республики Сербская Краина в Хорватии при проведении операций «Блеск» и «Буря» весной 1995 г., но наградила Ф. Туджмана в ноябре 1996 г. медалью Жукова.

Библиографические ссылки

1. Югославия в огне. Документы, факты, комментарии (1990–1992). М. : ПОИР, 1992. Т. 1: Современная история Югославии в документах. 370 с.
2. *Никифоров К. В.* Между Кремлем и Республикой Сербской. М. : Ин-т славяноведения РАН, 1999. 259 с.
3. Выступление представителя Российской Федерации Ю. М. Воронцова в Совете Безопасности ООН (30 мая 1992 г.) // Югославский кризис и Россия: Документы, факты, комментарии (1990–1993) / Сост. и отв. ред. Е. Ю. Гуськова. М. : Славянская летопись, 1993. 513 с.
4. *Довгялло М. С.* Политическая история зарубежных славянских стран новейшего времени: справочник. Минск : Тетра-Системс, 2006. 272 с.

5. *Живанов С.* Россия и югославский кризис // Свободная мысль. 1996. № 2. С. 37–46.
6. Международные организации и кризис на Балканах. Документы. Т. 1–2. М. : Индрик, 2000. 496 с.
7. Югославский кризис и Россия. Документы. Факты. Комментарии (1990–1993). Современная история Югославии в документах. М. : Славянская летопись, 1993. Т. 2. 503 с.
8. *Энгельгард Г. Н.* Россия и боснийский кризис, 1992 год. Формирование подхода к урегулированию // Славяноведение. 2000. № 3. С. 27–41.
9. *Красин Г. Б.* О военных акциях НАТО в БиГ // Дипломатический вестник. 1995. № 10. С. 68–69.
10. *Кузнецов Д. В.* Югославский кризис: Взгляд сквозь призму общественного мнения. М. : Либроком, 2009. 344 с.
11. *Самуйлов С. М.* США, НАТО, Россия и боснийский кризис // США — экономика, политика, идеология. 1995. № 7. С. 16–31.
12. *Адамишин А. Л.* В разные годы. Внешнеполитические очерки. М. : Весь мир, 2016. 448 с.
13. *Симич П.* Дейтонский процесс: сербский взгляд // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 9. С. 86–102.
14. *Карасин Г. Б.* Мирное соглашение по Боснии — важный документ // Дипломатический вестник. 1996. № 1. С. 51–52.
15. *Гуськова Е. Ю.* Внешняя политика России в годы югославского кризиса (1985–1995). СПб. : Владимир Даль, 2022. 462 с.